

Кельнский зодчий — эпизод 1 из 2

Однажды его потребовал к себе высокопреосвященный Конрад, архиепископ кельнский.

От лестного предложения у зодчего дух в груди заняло, голова закружилась. Но в безмерной самонадеянности он ни минуты не задумался над ответом.

-- Берусь, владыка, -- сказал он с поклоном. -- А какой срок даете вы мне на изготовление плана?

-- От сего дня и часа годичный срок. Тем временем соберутся и деньги, подвезут материал. Это -- моя забота. Твое дело пока -- план. Так что же, сын мой, берешься?

-- Берусь, -- повторил зодчий.

Приняв благословение святителя, он с победоносным видом пошел восвояси.

Итак, заветная мечта его сбывалась: он мог создать теперь на общее удивление нечто небывалое по величию, красоте и блеску. Ничто другое не должно было вперед отвлекать его от великого дела. И, отказавшись от всяких других, самых выгодных работ, он весь отдался этому единственному делу.

Наяву и во сне мерещился ему новый собор. Но над ним тяготела точно какая-то враждебная сила: то, что так ярко и отчетливо рисовалось перед его духовным взором, тотчас расплывалось в воздухе обманчивым маревом, как только он брался за карандаш и бумагу. Тогда он напрягал всю свою память, чтобы насильно вызвать опять перед собою забытое. Отчасти ему это, действительно, удавалось, и в конце концов, после многих переделок, из-под умелой руки его выходило нечто очень красивое, даже величественное. Но самого его оно все-таки не удовлетворяло, и, окончив план, он всякий раз опять разрывал его на мелкие клочки.

-- Весь, небось, до макушки ушел в свою великую думу, -- говорили прохожие, глядя ему вслед. -- Где уж ему до нас, грешных!

А он, в искусство которого все так слепо верили, все более терзался сомнениями, терял уже веру в самого себя!

Так подошел данный ему владыкой годичный срок; оставалось до срока всего три дня.

На дворе с утра еще шумела непогода. Ветер завывал в печной трубе, хлопал ставнями окон. От этого воя и грохота наш зодчий не мог связать двух мыслей. Наконец он не выдержал, схватил с гвоздя шляпу и выбежал из дому. Но на улице он был на виду у всех, а он был бы рад убежать от самого себя. Так очутился он за городом, в лесу, в горах. Небо давно обложило тучами, от чего в лесной чаще было еще темнее. Вот и смерклось, а он забирался все глубже в

чашу, все дальше в горы.

Наконец наступила и ночь, черная, непроглядная. Куда же теперь?

Тут собиравшаяся весь день гроза внезапно разразилась. Сверкнула молния, загредел гром, и полил дождь как из ведра. Укрывшись под густолиственным дубом, зодчий стоял точно околдованный: при вспышках молний окружающие вековые деревья представлялись ему грозными великанами, махавшими своими мохнатыми руками, чтобы схватить его, дерзнувшего проникнуть в их таинственное царство.

Вдруг молния разрядилась над самой головой его с таким оглушительным треском, что его отбросило в сторону. От нестерпимого блеска он невольно зажмурился. Когда же раскрыл глаза, то увидел, что молния ударила в тот самый дуб, под которым перед тем стоял он, и весь ствол дерева пылает, как громадная лучина.

Тут, казалось, из самого пламени выступил какой-то человек в красном плаще и с красным пером на широкополой шляпе.

-- Славная погодка, чудесная погодка! -- заговорил он, подходя к зодчему слегка прихрамывая на одну ногу. -- Гулять тоже изволите?

-- Вам молнией, никак, повредило ногу? -- спросил зодчий.

-- Пустяки! -- отвечал незнакомец, усаживаясь под ближайшим деревом на старый пенёк и запахивая ногу плащом. -- Не присядете ли вы тоже? Тут сухо. Присев на соседний пенёк, зодчий внимательнее взгляделся в лицо незнакомца: из-под нависших полей шляпы светились точно два горящих угля, а на тонких губах змеилась загадочная усмешка.

-- Вы как будто расстроены? -- начал опять незнакомец. -- Уж не горе ли у вас какое? смею спросить.

Зодчий не сейчас ответил; но вырвавшийся у него невольный вздох был самым красноречивым ответом.

-- Всякое горе можно залить добрым питьем, -- продолжал незнакомец, доставая из-под плаща дорожную флягу. -- Отхлебните глоточек, -- как рукою снимет.

Принял зодчий от него флягу, отхлебнул, -- и словно огонь разлился по его жилам.

-- Ну, что, -- спросил незнакомец, -- каков напиток?

-- Напиток дивный, -- отвечал зодчий. -- На душе сразу стало легче...

-- Так что вы тотчас, пожалуй, начертали бы весь план?

-- Какой план?

-- Да нового собора. Неужели вы думаете, что я не узнал с первого взгляда знаменитого мастера, которому поручено сделать этот план? Но одному вам все же никогда с ним не справиться, поверьте моему слову.

"Да кто же мне поможет?" -- хотел было спросить зодчий. Но из насмешливых

глаз незнакомца посыпались такие зловещие искры, что он должен был потупить взор, и тут заметил снова прикрытую плащом хромую ногу незнакомца.

"Да ведь у нечистого, говорят, лошадиное копыто!" -- вспомнилось ему вдруг, и волосы на голове у него стали дыбом, зубы во рту защелкали.

Незнакомец рассмеялся.

-- Чего вы испугались? Ученому человеку пугаться, право, не пристало. Я кое-что смыслю также по вашей части.

-- Но мне остается до срока всего два дня, -- возразил зодчий, -- а составить такой сложный план -- план целого собора-- в два дня и думать нечего.

-- Как кому -- отвечал незнакомец, приподнимаясь и вынимая из-под плаща пергаментный сверток. -- Вот, например, не угодно ли посмотреть.

Зодчий также встал, чтобы ближе разглядеть развернутый незнакомцем свиток, да как взглянул, так в глазах у него зарябило: на пергаменте оказалось мастерски выполненным именно то, о чем он постоянно мечтал, но что самому ему ни за что не давалось.

-- Да ведь это мой собственный план! -- воскликнул он и хотел выхватить пергамент из рук незнакомца.

-- Не торопитесь, любезнейший, -- сказал незнакомец. -- Пока он мой; но я не прочь уступить его вам, если вы подпишете небольшой договор... Но вас опять, я вижу, трясет лихорадка! Выпейте-ка еще для храбрости.